

От редакции. Перевод фрагмента «Тетрадей по этике» Ж.-П. Сартра был выполнен в конце 1980-х гг. для несостоявшегося издания антологии «Добро и зло» Сергеем Александровичем Исаевым (1951–2000), доктором философских наук, профессором, специалистом в области истории философии, теологии, эстетики, исследовавшим историю протестантской теологии, семиологию и теорию театрального искусства, историю эстетики XIX–XX вв., драматургию и литературу французского авангарда. С.А. Исаеву принадлежит перевод работы С. Кьеркегора «Болезнь и смерть» и комментарии к ней (Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. М.: Политиздат, 1990). С 1980 г. С.А. Исаев работал в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС), пройдя путь от преподавателя кафедры философии до ректора вуза (1988–2000). В конце 1990-х гг. преподавал также и в Парижском университете-8, в разных городах Европы осуществил оригинальные театральные постановки. Основные труды – Теология смерти: Очерки протестантского модернизма. М.: Политиздат, 1991; Длинные вещи жизни: Сб. ст. / Сост. Н. Исаевой. М.: ГИТИС, 2001.

Предисловие к публикации

Долгое время в творческом наследии французского философа-экзистенциалиста Жан-Поля Сартра специальных этических сочинений не значилось. Лишь в 1983 г., спустя три года после его смерти в строгом соответствии с оставленным им завещанием, вышли в свет двухтомные «Заметки по этике» (правда, издатели дали книге несколько иное название – «Тетради о морали»). Это необычное философское произведение. Не трактат, не эссе, а нечто вроде непрерывных дневниковых записей, скрепленных одной темой – темой добра и зла. Они создавались в период 1947-го и 1948 г., когда Сартр только размышлял над фундаментальным трудом по этике в ее экзистенциалистском понимании. Он даже анонсировал его в заключение появившейся в 1943 г. книги «Бытие и ничто». Однако заметки так и не получили законченной формы исследования, что – тем не менее – не мешает проникнуть в суть этических представлений их автора.

Сартр, как это хорошо видно даже из приводимого здесь отрывка, – отнюдь не сторонник традиционного взгляда на мораль как сферу борьбы между Добром и Злом. Эта диалектика, даже «антино-

мий» противоположных ценностных установок или ориентаций, предполагающая и их единство, взаимообусловленность, слишком абстрактна и потому не может служить основой нравственного поведения личности. Сартр как бы предлагает встать на точку зрения конкретного действующего человека, индивидуальные, социальные и прочие возможности которого всегда ограничены и исторически определены.

Иначе говоря, речь может идти только о конкретной цели поведения личности как ее «регулирующей идее» в конкретной же «ситуации». Такая цель неизбежно конечна, несовершенна, как, впрочем, и тот, кто ее ставит. Однако ее несомненное достоинство — в *историчности*, то есть в способности помочь человеку превратиться из «чистого действующего лица Истории» в ее активного и эффективного участника. В полемике с другим французским писателем-экзистенциалистом — Альбером Камю — Сартр отстаивает мнение, согласно которому история обретает «абсурдное и ужасное лицо» лишь для тех, кто оказывается неспособным принять активное участие в историческом творчестве. Более того, он верит, что возможно и даже необходимо «попытаться придать истории тот смысл, который нам представляется наилучшим».

Однако Сартр в своем этическом учении остается романтиком. Его слова о конкретности цели не следует истолковывать в духе социального реализма — как необходимость учитывать действие объективных исторических закономерностей и тому подобного. В «Заметках» основной упор делается как раз на «идеальности» цели. Здесь мы подходим к сердцевине романтического понимания Сартром подлинной морали, — понимания, основанного на признании изначальной свободы человека как *духовного* существа. В соответствии с этими экзистенциальными установками признание тотальной детерминированности человека социальными условиями, равно как и психологическими особенностями личности, не может объяснить, откуда возникает стремление изменить или преодолеть эти объективно существующие условия конкретной исторической «ситуации». На его взгляд, источником *отрицания* существующей действительности не может быть сама эта действительность, напротив, оно может явиться лишь следствием абсолютной независимости от нее.

Все дело в том, что духовная свобода человека как предпосылка его нравственного поведения связана со всеми остальными «данностями» его существования лишь через их отрицание. В противном же случае пришлось бы допустить, что духовность *до конца* поддается измерению предметностью. По Сартру же, нравственность не имеет ничего общего со следованием даже собственной, пусть и самобыт-

ной, субъективности, так как это оказалось бы как раз ее неподлинным проявлением: любая психическая реакция «объективна» по своему происхождению.

Отсюда — «нереалистичность» нравственной цели, стоящей над «предметностью» социальной или психической жизни. В данном случае это — не утверждение социального или нравственного нигилизма, но мысль о том, что нравственность — отнюдь не данность, это — нечто, за что необходимо постоянно бороться, что требует усилий и мужества. Таким образом, признание конкретной нравственной цели означает для Сартра лишь утверждение *определенности* проявления нравственного акта («конкретной морали»), а вовсе не допущение относительности Добра как такового. Именно в этой связи Сартр по существу признает стержнем нравственной жизни не антиномию Добра и Зла, но противостояние Морали и Истории.

С.А. Исаев